

Вадим Барташ

18+

ДАКИЯ В ОГНЕ

Часть первая

Лузми Квмет

Вадим Барташ

**Дакия в огне. Часть
первая. Лузий Квиет**

«Автор»

2021

Барташ В.

Дакия в огне. Часть первая. Лузий Квиет / В. Барташ — «Автор»,
2021

Эта моя первая значительная книга. Её я написал очень давно, лет двадцать с лишним назад, и выходила она в виде повести в бумажном варианте. Однако называлась она тогда иначе. Но сейчас я решил её переделать в роман, сохранив основу сюжета. Теперь эта книга состоит из трёх частей, первая называется «Лузий Квиет», вторая – «Дакийский самодержец», и третья - «Под небом Перуна». Роман этот захватывающий, и не только потому, что он про Древний Рим. В нём описывается эпоха Ранней империи, правление Траяна. Многолетнее и крайне ожесточённое и непримиримое противостояние Рима с Децебалом, царём даков. И, между прочим, во всех войнах Децебала с Римом в качестве союзников даков выступали северные племена, среди которых были и наши предки. Кульминацией романа является сражение римского спецназа с союзниками Децебала, праславянами.

© Барташ В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Предисловие	5
Часть первая. Лузий Квиет	6
Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвёртая	16
Глава пятая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вадим Барташ

Дакия в огне. Часть первая. Лузий Квиет

Предисловие

Эта моя первая значительная книга. Её я написал очень давно, лет двадцать с лишним назад, и выходила она в виде повести в бумажном варианте. Однако называлась она тогда иначе. Но сейчас я решил её переделать в роман, сохранив основу сюжета.

Теперь эта книга состоит из трёх частей, первая называется «Лузий Квиет», вторая – «Дакийский самодержец», и третья- «Под небом Перуна». Роман этот захватывающий, и не только потому что он про Древний Рим. В нём описывается эпоха Ранней империи, правление Траяна. Многолетнее и крайне ожесточённое и непримиримое противостояние Рима с Децебалом, царём даков. И между прочим во всех войнах Децебала с Римом в качестве союзников даков выступали северные племена, среди которых были и наши предки. Кульминацией романа является сражение римского спецназа с союзниками Децебала, праславянами.

И ещё, римские авторы писали о том, что один из главных героев этой книги, Лузий Квиет, являлся якобы сыном мавретанского шейха. Но есть и другая гипотеза, по которой утверждается, что он был на самом деле сыном вождя одного из негритянских племён, обитавших к югу от Сахары. Вот эту гипотезу я и взял за основу.

Надо ещё сказать, что к концу жизни Квиет достиг очень многого. Он сделал блестящую карьеру. Этот чернокожий бывший раб стал генералом и дважды консулом, и приобрёл такую популярность, что преемник Траяна, император Адриан, опасаясь этого политического деятеля и военачальника, одержавшего немало впечатляющих побед, устранил его физически.

Ранняя империя.

Конец I начало II века нашей эры.

Время правления императоров Домициана, Нервы и Траяна...

Север Балканского полуострова.

Граница с Дакией по Дунаю.

Часть первая. Лузий Квиет

Глава первая

Ещё раннее утро, но солнце уже пробудилось.

Вокруг царила тишина.

Она какая-то завораживающая, умиротворяющая, позволяющая слышать шелест листьев, шептание трав и даже мерное жужжание заблудившегося и от того встревоженного шмеля...

Лузий отмахнулся от этого шмеля.

Боль прошла. Рука у Лузия уже сгибалась. Налилась рука тяжестью, наконец-то, вернулась к ней прежняя сила. Натянув на себя повод, Лузий остановил коня и зачарованно замер.

Горы здесь, кажется, и не так высоки. При первом взгляде на них - внушают уважение, но вот когда приглядишься, начинаешь замечать, что они больше похожи на насыпные рукотворные курганы. Ну точно такие же, что попадаются в бескрайней Скифо-сарматской степи, раскинувшейся за Борисфеном (нынешний Днепр). Только, конечно, побольше. Намного больше. Будто бы трудилось над ними усердно таинственное племя каких-то могучих гигантов-циклопов, описываемых в греческих преданиях.

Покрывают эти горы буйной, густой растительностью, а некоторые чащи и вовсе разрослись настолько, что стали совершенно непроходимы.

Преобладали в этих горах широколиственные породы, но попадались помимо ясеней, грабов и клёна и кряжистые вековые великаны-дубы, а также вечно зелёные сосны. Не менее густой и кустарник.

Все эти чащи прорезали звонкие речушки и ручьи.

* * *

Лузий Квиет вновь осмотрелся и жадно набрал в грудь воздуха.

Воздух здесь был тоже особенный. Не чета тому, которым приходилось довольствоваться в Риме. Там, в столице империи, теснота, духота, жуткие зловония... Особенно это относилось к тем районам Вечного города, где возвышались инсуллы (многокомнатные многоэтажные дома, сдаваемые в аренду римской гольтьбе). А здесь воздух совсем другой, он влажен, свеж, напоен терпким, дурманящим ароматом горных трав и цветов.

– Какая же красота! – невольно вырвалась реплика из уст Квиета. Он на некоторое время забылся и начал размышлять вслух: – Поистине, этот край радует сердце... И если бы не близость грозных варваров, то безусловно все те, кто здесь поселился, были бы счастливы. Как бы было хорошо, после замирения Дакии, в этой провинции получить для себя земельный участок. Ну, конечно, когда уже лет эдак через семь-восемь я всё-таки надумаю и подам прошение об отставке...

Квиет ещё раз огляделся и, тронув пятками коня, направился дальше.

За ним двинулась и вся ала лёгкой вспомогательной конницы, подчинявшаяся легиону XIII Сдвоенному, располагавшемуся в провинции Нижняя Мёзия.

Ала эта набрана была из не граждан Рима, из так называемых peregrini.

* * *

Обычная римская военная дорога мощёна отшлифованным камнем. Через каждую милю- столб. Дорога эта соединяла приграничные укрепления- посты, крепости-кастеллы, небольшие городки, и прилежно повторяла изгибы Истра (так тогда назывался в пределах империи Дунай), весьма полноводного и в самое знойное лето.

Ала, под командованием Лузия Квиета, с самыми первыми солнечными лучами вышла из Ратиария и спешно направилась к Дробетам.

Под вечер прошлого дня в Ратиарий на взмыленном коне прибыл гонец. Он сообщил: даки, численностью в пять-семь тысяч человек, на рассвете атаковали левобережные укрепления моста Аполлодора.

Вновь началась Дакийская война? Война империи с царством Децебала?

Да, в этом мало уже кто сомневался.

По счёту это война должна была стать Третьей!

* * *

У римлян, чей орёл простёр крылья над всеми берегами Срединного (Средиземного) моря, раздвинувших рубежи некогда крохотного города-государства от германских болотистых топей и до пустынь Ливии, с даками были старые счёты.

Отчего у римлян они появились?

А объяснение этому простое...

Предки даков были воинственны, причём издревле. В союзе с родственными им гетами и трибаллами, они дерзнули даже вступить в противоборство с самим сыном Филиппа II, царём Македонии Александром, вскоре завоевавшим всю Азию и значительную часть Индии.

До сих пор в дакийских замках, гнездившихся на неприступных кручах, новые Орфеи, под аккомпанемент арф и свирелей, воспевали перед князьями и их дружинниками деяния бившихся с неистовым воителем смельчаков.

И вот прошло четыре века...

Держава Александра и его сподвижников, перехвативших власть в завоёванных землях, распалась, и уже давно канула в небытие. На смену Македонскому царству, царствам Селевкидов и Птолемеев, пришла новая сила, могучий Рим.

К правлению принцепса Домициана (на раннем этапе Римской империи принцепсами называли её правителей), жестокого и подозрительного, а также и безмерно порочного, последнего из династии Флавиев (второй династии в империи, после Юлиев-Клавдиев), на левобережье Истра образовалось обширное фракийское государство.

У фракийцев оно стало не первым.

До этого у этих племён были государства, основанные одриссами, гетами, и рядом других фракийских племён, живших на юге, но теперь сильнейшим оказалось Дакийское царство.

Во главе этого царства встал Децебал, объявивший себя наследником знаменитого воителя Буребисты.

* * *

О Буребисте я не могу умолчать. Он был очень яркой личностью, и потому о нём необходимо сказать особо.

И так, кто же такой был Буребиста?

Он был не даком, а происходил из родственного им племени гетов и пришёл к власти примерно за два поколения до рождения Децебала. Это тоже был решительный и отважный вождь. Опираясь на странствующего мудреца Декенея, который реформировал древнюю фракийскую религию, и внедрил культ нового бога, названного Замолксисом, Бурбиста объединил огромную территорию, населённую не только фракийцами, и создал Первое Дакийское царство. Оно вскоре настолько усилилось, что стало грозным соперником для всех соседей, и в том числе для Рима.

С большим трудом римлянам удалось одержать победу над этим Бурбистой. И вот, спустя несколько десятилетий после гибели этого первого дакийского царя, у него появился не менее талантливый и смелый последователь, который прямо заявлял, что продолжит политику Бурбисты.

И Децебал действительно взялся энергично продолжать его дело.

* * *

От меча Децебала, царя даков, трепеща преклонили колени старейшины и князья множества родственных племён. Зависимость свою от него признали и никому прежде не подчинявшиеся гордые бастарны, а вслед за ними котины, анарты и осы. Всё это кельты (позже многие из этих племён сольются с нашими предками, с праславянами, причём преимущественно восточными).

И дикие северные народы, обитавшие у отрогов и за отрогами Дакийских гор, и у самого побережья студёного Янтарного (Балтийского) моря, станут союзниками нового царя даков.

Силы Децебала казались уже столь велики, что на сближение с ним пошли даже пришедшие из глубин Азии, одолевшие скифов, могущественные кочевники сарматы.

Границы Рима и новообразованного царства Децебала соприкоснулись на Истре.

Могучая империя, без удержу расширявшаяся, как наполняются горячим воздухом кузнечные меха, поглощавшая алчно всё новые и новые земли, и набиравшая силу молодая, только что народившаяся держава (тем не менее уже попытавшаяся объединить племена от Эльбы и до Понта Эвксинского) не могли не сойтись в схватке. И она должна была перерасти в схватку не на жизнь, а на смерть.

И так и случилось...

* * *

В 839 году от основания Рима (86 год нашей эры), зимою, перейдя скрытно по льду замёрзшего Истра на правый берег, даки, поддержанные бастарнами и конными отрядами сарматов (из сильнейшего племени роксоланов, продвинувшегося к нынешнему Днестру), вторглись в провинцию Нижняя Мёзия.

«В битве с тридцати тысячной ордой варваров погибли армия и наместник провинции Гай Оппий Сабин», – зачитали извещение в римском сенате, на экстренном заседании которого присутствовал и сам принцепс Домициан.

По природе своей пугливый, и до нельзя после этого заседания встревожившийся, Домициан впервые за всю историю императорского Рима, направил за пределы Италии в провинцию Нижняя Мёзия, префекта Претория. С командующим гвардией телохранителей направлена была в эту провинцию и часть самого корпуса преторианцев – восемь тысяч отборнейших воинов.

Поддавшись уговорам приближённых советников и желая показать свои способности сенату, через несколько месяцев и сам Домициан покинул покои Палатинского дворца и лично прибыл в беспокойную провинцию на Балканах.

Ставкой Домициана стал Наис (нынешний Ниш).

* * *

Действия наделённого неограниченными полномочиями префекта Претория, опытного воина Корнелия Фуска, поначалу были вполне успешны. От вторгшихся варваров им были быстро очищены обе Мёзии. Перейдя уже сам Истр, Фуск вступил в земли даков.

Стремительно продвигаясь к столице даков Сармизегетусе, укрывшейся высоко в горах, префект Претория был усыплен лёгким успехом. Фуск проявил непростительную беспечность и попал в приготовленную для него ловушку.

В узких теснинах на подходе к Тибиску (левому притоку Истра), весь корпус префекта, основу которого составлял V легион Жаворонки (на счастье Домициана, преторианцы были оставлены в Наисе) с самим Фуском пал. Двенадцать тысяч легионеров были перебиты. Децебалу достался даже штандарт легиона – серебряный орёл, и все остальные его значки и знамёна.

В один день ещё вчера прочная, не подвергавшаяся какому-либо сомнению власть Рима над Балканами, сразу же пошатнулась. С беспокойной Парфянской границы, с Востока, из Британии и с Германского лимеса, приходилось спешно снимать войска и стягивать их в Панонию, Далмацию, в Верхнюю и Нижнюю Мёзию.

Во главе новой армии Домициан поставил Теттия Юлиана, сменившего на должности префекта гвардии погибшего Фуска.

Вся Балканская граница, от Виндобоны (нынешняя Вена) на западе и до Новиодума на востоке, начала сотрясаться от нашествия варваров и казалось уже, что вот-вот она рухнет. Отрядами в сто – двести, а то и в тысячу человек варвары переправлялись через Истр и жгли крепости и римские поместья. Брались штурмом небольшие городки. Выжившие римские граждане обращались в рабов и их угоняли на север.

Домициан уже подумывал бежать из Наиса и махнуть рукой на все Балканские провинции. Однако страх перед тем, как на это позорное малодушие отреагирует сенат и весь Рим, заставил его остаться в Наисе. Да тут ещё и Теттий Юлиан оказался способным.

Ему удалось довольно-таки быстро выправить почти безнадежное положение, в которое попала империя. После года упорных боёв, вторгшихся кельтов и даков вытеснили за Истр. Даки умело использовали знания местности, бились храбро, самоотверженно, но верх взяли легионы Теттия Юлиана.

Вынужденно (а ведь казалось ещё чуть-чуть и будет полная победа) Децебал пошёл на переговоры.

С Римом было заключено перемирие.

* * *

И что же, царство Децебала от понесённого поражения распалось? Ослабло? Да, как раз и нет! Боги помогли Децебалу. Иногда милость богов к их любимчикам не знает предела! Замолксис был по-прежнему полностью на стороне Децебала.

Осложнения на Востоке и на Германском лимесе помешали Домициану в полной мере использовать блестящую победу Теттия Юлиана у Тап.

Домициан Флавий потребовал возвращения оставшихся в живых пленным из V легиона Жаворонки, взял клятву на верность у Децебала, а взамен пообещал дакийскому царю помощь. Децебал присягнул Флавию и получил за это искусных римских ремесленников и денежные субсидии

На некоторое время главным соперником Рима на Балканах стали сарматы. А точнее-сарматское племя язигов.

* * *

Не ужившись с родственными им роксоланами, язиги ушли на запад, к берегам Тиссии (нынешняя Тиса). Здесь кочевники расселились на широкой равнине в междуречье Тиссии и Истра. Земля здесь не вся была покрыта лесами и оказалась для их расселения удобной. Особенно много занимала в центре и на юге милая кочевникам степь.

На севере кельты, осы, котины и анарты, вытесненные из междуречья, на западе и юге – римская провинция Панония, на востоке – земли Дакийского царства. А как известно, кочевник не может долго наслаждаться миром и сидеть на месте. Кельты побеждены, даки – союзники...

Язиги переправились через Истр и вторглись в римскую провинцию Панонию. Осаждены были крупнейшие города провинции: Аквинк, Брегенция, Интерниза и Арабона.

Децебал невольно оказался перед выбором: поддержать прежнего союзника или остаться верным новому «другу». Он решил не осложнять свои отношения с Римом, тем более его насторожило резкое усиление сарматов на Балканах. Земли Дакийского царства теперь с двух сторон оказывались зажаты сарматскими племенами. А это было чревато... Ведь вполне можно было допустить, что язиги и роксоланы когда-нибудь могут и договориться между собой и напасть на даков уже и с востока, и с запада.

И Децебал позволил римской армии под предводительством префекта Теттия Юлиана пройти через свои земли и ударить в спину язигам.

Язиги, не ожидавшие такого коварства, были разгромлены.

На Балканах вновь наступил «Рахе Рому».

* * *

Римляне считали это миром, Децебал- временным перемирием. Царь даков долго готовился к новой схватке. Перемирие растянулось почти на одиннадцать лет. За это время Децебал пытался исправить допущенные в прежней войне просчёты: реорганизовывалась и перевооружалась (с помощью присланных Домицианом ремесленников) по римскому образцу армия, возводились новые «укромные гнёзда» и усиливались укрепления, построенные ранее.

Даки, смелые, но плохо подчинявшиеся приказам воины, приучались к строжайшей дисциплине. На римский манер из них уже создавалась профессиональная армия.

Глава вторая

Домициан по счёту являлся третьим из Флавиев.

А первым, основателем новой династии, стал его отец.

Когда Веспасиан был молодой, никто и не думал, что он так возвысится. Он всегда производил впечатление неотёсанного мужлана. А всё потому, что он происходил из простых крестьян и родился в захолустном местечке Фалакрины, однако милость богов вознесла его на вершину Палатинского холма.

Энергичный, и в то же время осмотрительный, обладавший от природы трезвым и очень расчётливым умом, Веспасиан выдвинулся прежде всего, как способнейший полководец империи. Он показал себя с очень хорошей стороны и в Британии, и в Иудее (именно им было подавлено с крайней жестокостью восстание в Иудее, и его войсками был взят Иерусалим), и лишь потом он одержал победу в гражданской войне над Вителлием и стал принцепсом. Первым в огромном государстве. И первым из династии, сменившей Юлиев-Клавдиев.

Вторым в этой династии стал старший сын Веспасиана – Тит.

Тит, надо сказать, был тоже не бесталанным. Его считали вполне способным правителем. Об этом единодушно утверждали римские авторы.

Но вот вслед умершему от чумы Титу, власть наследовал Домициан- младший из сыновей Веспасиана.

* * *

В отличие от отца и старшего брата, Домициан не выделялся ни расчётливостью, ни смелостью, ни умом. Трусливый, падкий до роскоши и наслаждений, он имел и достойную жёнущку – Домицию Лонгину.

Домиция Лонгина до глубины души была порочна. Она даже открыто хвасталась своими бесчисленными похождениями. И с воинами-гвардейцами, и с рабами, и с актёрами.

Её связь с греческим актёром Парисом приобрела настолько скандальный характер, что Домициан велел Париса схватить и умертвить, а с женой развёлся.

Но то ли родство душ, то ли соблазнительный облик, сладкозвучие в голосе и смирение во взгляде сделали своё дело, и Домициан вскоре вновь сошёлся с Домицией Лонгиной. И якобы по «требованию народа и сената», женился повторно на ней.

Именно от «раскаявшейся» Домиции Лонгины исходила идея заговора, жертвой которого и стал её муженёк, третий и последний из Флавиев.

* * *

Децебал внимательно следил за всем, что происходило в империи. Им успешно была перенята тактика Рима. Высылались под видом купцов и прочих мирных обывателей наблюдатели в стан врага. Немало их развелось в приграничных римских городах. И даже в отдалённых, располагавшихся на берегу Адриатики. От одного из таких доверенных наблюдателей, пробравшихся в Салону (нынешний Сплит), Децебал и узнал: вместо убитого заговорщиками Домициана сенат выбрал из своей среды принцепсом престарелого Марка Кокцея Нерву.

Главный заступник даков, бог Замолксис, вроде бы вновь подарил удачу Децебалу. Стоило лишь выступить против Рима. И предлог благовидный нашёлся. Децебал приносил клятву верности Домициану, а того уже умертвили. Неужели едва передвигавший ноги сенатор Марк

Кокцей Нерва сумеет противопоставить что-либо прирождённому воину Децебалу, окончательно возмужавшему и бывшему в самом расцвете сил?

И опять в дела на Балканах вмешалась «третья сила» – сарматы...

* * *

Озлобленные предательством, сарматское племя язигов подговорило родственников им роксоланов, вчерашних союзников даков, напасть на Децебала. Убедительно было и золото, которое прислали из Рима.

Перейдя пограничный Тирас, роксоланы вторглись в земли кельтского племени бастарнов. За бастарнами начиналось Дакийское царство. Кельты проиграли битву кочевникам и вынуждены были присоединиться к победителям. Соединённая кельтско-сарматская армия стояла уже у Пирета (Прута), уже казалось вот-вот бритоголовые роксоланские воины на своих рослых конях переплывут Пирет и начнут опустошать восточные земли царства Децебала... Однако роксоланы внезапно отступили. Видно очередная волна кочевников из бескрайних степей Азии накатилась на земли сарматов и те вынуждены были уйти к себе. Ну а кельты-бастарны не решились в одиночку тревожить Децебала.

Грозные тучи разошлись. Гром так и не прозвучал.

Но время Децебалом было упущено...

Потому что Римскую империю возглавил уже новый принцепс. Марк Ульпий Траян.

* * *

Траян был первым правителем империи, родившемся вне Апеннин. Родился он в маленьком городке Италика, лежавшем в Испании.

Траян обладал огромной силой и невероятной выносливостью. А ещё он был скромн и очень неприязнителен. Начиная карьеру простым легионером, уже при первом из Флавиев он дослужился до высокой должности, отличившись в Иудейской войне и в пограничных стычках с парфянами.

Веспасиан обратил внимание на простого, грубоватого военачальника, не обременённого к тому же чрезмерным честолюбием, а Тит и вовсе приблизил его к себе. В правление Домициана Траян возглавлял провинцию Сирия, а затем подавил восстание в Германии. Там же, в Германии, его и застало известие об убийстве Домициана и возвышении Нервы.

Лишь стечение обстоятельств и всеобщая усталость от разнузданной тирании, вознесли Нерву на самую вершину власти, но он был серой и безынициативной личностью и не желал подвергать себя опасности, тем более в Риме вспыхнул мятеж.

Чтобы успокоить возмущившихся преторианцев, Нерва за победы над германцами, награди триумфом пользовавшегося любовью в легионах Марка Ульпия Траяна и объявил, что тот им усыновляется.

Так Траян стал соправителем Нервы.

Выбор Нервы оказался на редкость удачным (после смерти Траяна, сенат желал правителям, вступавшим на Палатин, всем без исключения, быть «счастливее Августа и лучше Траяна»)

При Марке Ульпии Траяне Римская империя достигла своего наивысшего могущества.

* * *

Ещё вчера готовый начать войну при первой же возможности, Децебал притаился. Теперь начинать войну без союзников было делом крайне опасным. А может быть и почти что безнадежным.

Но кто мог помочь Децебалу?

С сарматами царь Дакии рассорился. Восставшие германцы были разбиты.

Оставался опаснейший враг Рима на востоке- Парфия.

В Парфию были отправлены послы с предложением заключить антиримский союз. Что бы с двух сторон можно было напасть на империю. Не знал Децебал, что послов его, переправившихся через Боспор Фракийский (пролив Боспор), римляне перехватили в Вифинии. Схваченные послы, под пытками во всём признались. Кстати, об этом Траяна известил никто иной, как легат провинции Вифинии Плиний Младший, впоследствии ставший знаменитым писателем.

Марк Ульпий Траян (к тому времени уже единолично правивший империей), хладнокровно набрасывал удавку на шею Децебала.

Котины и квады отдалялись от даков. На правобережье Истра строились новые дороги. Для флота прорыли даже судоходный канал.

С западных и восточных провинций стягивались непрерывно всё новые легионы и вспомогательные части.

Глава третья

Весной 854 года от основания Рима имперская армия, сопровождаемая флотом и усиленная наёмниками из маркоманов, квадов и... конечно же, язигов (ставших непримиримыми врагами Децебала), собралась в Верхней Мёзии. Там был проведён смотр шестидесятитысячной армии, отдохавшей три дня у Виминация.

Марк Ульпий Траян остался доволен проведённым смотром.

Две колонны (по тридцать тысяч воинов в каждой) перешли через Истр. Одна во главе с самим принцепсом по составленной из судов переправе у Ледераты, а другая под командованием нового префекта Претория Мания Либерия Максима у Диерны.

Траян намечал, что эти колонны соединятся у Тибиска (ныне река Муреш), от берегов которого всего ничего до Тап, ключевой крепости, прикрывавшей самый удобный горный проход к Сармизегетусе.

Децебал предпринял отвлекающий манёвр. Союзники даков, крупное фракийское племя гетов, неожиданно напали на провинцию Нижняя Мёзия. Гетам удалось сжечь Новиодум, Трёзмис, Диногоцию, Дорастор и ещё с десятков крепостей и городков. Они так же разбили несколько отдельных номерных когорт и вексиллий, но развить первоначальный успех им так и не удалось. Подошедшие на выручку к легату Нижней Мёзии войска вытеснили гетов за Истр.

У Тап, как и намечал Траян, две римских колонны встретились с основными силами даков.

* * *

В армии Децебала, помимо самих даков, сражались многочисленные перебежчики из империи. Из них формировались целые отряды.

Под Тапами с обеих сторон сошлись до ста тридцати тысяч воинов.

Сражение было упорным и необыкновенно кровопролитным. В некоторых римских легионах, до половины воинов погибло. Траян принял непосредственное участие в этом сражении и по окончании его распорядился разорвать на бинты даже собственный плащ и сменные одежды, что везли в обозе, и одежды преторианцев-телохранителей.

У легионеров не хватило сил преследовать отступавших даков. Тапы пали. Траян праздновал триумф, но опытный воин, после столь тяжёлой битвы, не решился идти на Сармизегетусу. Туда через некоторое время отправились послы.

В обмен на жизнь и сохранность царской диадемы, Децебалу предложено было срыть стены крепостей, сооружённых с помощью римских ремесленников, разорвать союзные отношения с соседями гетами, распустить большую часть армии и признать верховенство над собой империи.

Децебал отверг эти условия.

* * *

Упорный, привыкший всегда добиваться намеченного, принцепс-полководец предпринял второй штурм «Дакийской скалы».

Летом следующего года снова две крупных римских армии переправились через Истр и двинулись к горным проходам, открывавшим путь к Сармизегетусе. Траян попытался взять её в клещи. Преодолевая всё возрастающее сопротивление (римлянам приходилось брать с боем не только замки, но и даже не защищённые деревни) колонна Мания Либерия Максима

уподобилась змее. Скрежещущей, громыхающей железом, со смертельно опасным жалом. Эта змея должна была ужалить- оторвать от союза с Децебалом гетов.

И она ужалила.

Манию Либерию Максиму это сделать удалось.

Вторая колонна, вновь возглавляемая Траяном, продвигалась по земле Дакийского царства. Сколь не безгранична была храбрость даков, сколь не велика была жажда бороться до последней капли крови за свою свободу, дакийские крепости одна за другой переходили в руки римлян. Вернее, римлянам доставались лишь сожжённые, обуглившиеся развалины с трупами дакийских воинов.

И тут уже Децебал прислал к Траяну посольство. Принцепс не пожелал его выслушивать, а потребовал личной встречи с царём даков. Ну а тот по-прежнему ещё уповал на милость Замолксиса, ведь когда-то этот бог не раз проявлял эту самую милость к нему. Царь даков, к тому же, всё ещё надеялся на Парфию. Но он не знал, что послы его были перехвачены римлянами, да и в самой Парфии начались смуты. И причиной их стали происки Рима.

Траян неумолимо приближался к Сармизегетусе. И теперь, учтя прежние битвы, он шёл с севера, где горные хребты были более пологи и доступны.

Вскоре римская армия овладела важнейшей дакийской крепостью Апул. С падением её царство даков расчленилось на две части. И Децебал отрезался от всех северных племён.

В захваченном Апуле римляне нашли осадные машины, оружие и не выданные римские штандарты, включая серебряного орла V легиона Жаворонки (болезненное напоминание о неудачнике Корнелии Фуске).

У стен столь неприступной, столь вожденной для римлян Сармизегетусы, обе римские колонны, и принцепса и Мания Либерия Максима, встретили наконец-то остатки армии Децебала, те, что вырвались из окружений под Напокой, Апулой, Тапами и Буридавой. Против семидесяти тысяч хорошо обученных и вооружённых римлян встало пятнадцать тысяч смертельно уставших даков. Завязалась последняя битва. Дакам было ясно, что они обречены. И ничего их уже не спасёт. Но осознавая это, даки бились мужественно. Они не просили пощады!

После многочасовой битвы вся армия Децебала полегла под стенами его столицы.

Не склонный к проявлению своих чувств, принцепс Марк Ульпий Траян не мог не поразиться отвагой противостоявших ему даков, и потому пленённого и раненного Децебала он принял в личном шатре.

Децебалу оказали почести как доблестному воину и царю!

* * *

Замолксис отвернулся от Децебала.

На этот раз Децебалу пришлось принять условия. Все! Отныне царь даков объявлялся другом Римского народа, государства и принцепса (признавал своё подчинённое положение). Децебал не имел права предоставлять убежища перебежчикам из империи, враги Траяна становились и его врагами. В важнейшие дакийские крепости вводились римские гарнизоны, стены Сармизегетусы срывались.

По повелению принцепса, уроженец Сирии, инженер и главный архитектор Римской империи, Аполлодор Дамаскин, начал возводить через Истр каменный чудо-мост. Мост, который надёжно связал бы римские гарнизоны в Дакии с империей. Мост Аполлодора.

Марк Ульпий Траян с триумфом вернулся в Рим. Сенат удостоил его титулом «Величайший Дакийский».

Dactcus Maxsumus

Так закончилась Вторая Дакийская война.

Наступил черёд Третьей...

Глава четвёртая

Протяжённая цепь всадников в обычных для римлян доспехах (называвшихся лориками скваматами) и в шлёмх с перьями (эту разновидность шлёмов называли галликами), с трёхдневным съестным запасом в торбах, притороченных к конским крупам, и копьями наперевес, продвигалась по приграничной дороге. Всадники шли по двое. Впереди находился Лузий Квиет. А за ним, немного отстав, двигался один из старших декурионов (десятников). Это был Цельзий- такой же, как и Квиет, темнокожий воин, только не чистокровный негр, а наполовину гетулу (гетулы являлись прямыми предками нынешних кочевников пустыни туарегов).

Цельзий, как и многие воины алы, тоже был родом из провинции Мавретании Цезарейской, но только из города Тагисиса.

Когда-то он участвовал в восстании гетулов против римлян, но затем переметнулся на противоположную сторону и завербовался в армию Рима. От долгой и непрерывной походной жизни его лицо стало обветренным, огрубевшим, а от пристрастия к неразбавленному вину и от неумеренного его возлияния одутловатым и всё к тому же ещё покрылось морщинами, как у семидесятилетнего старца. За глаза воины звали этого старшего декуриона «Дедом» или «Стариной Цельзием». Пагубное пристрастие к вину не раз уже приводило Цельзия к не очень хорошим последствиям, но Лузий в последний момент его жалел, и только благодаря префекту гетула с позором не выгоняли со службы.

Сейчас старший декурион стеганул хлыстом коня и, нагнав префекта, спросил его:

– Как думаешь, Лузий, к вечеру доберёмся?

Лузий Квиет ему не ответил, так как был погружён в свои мысли и ему было не до пустых разговоров. Да и переживать не стоило. На участке от Кастры Мартиссы и до Виминация, на протяжении целых ста пятидесяти миль, где отроги Гема (ныне Балканские горы) встречаются с рекой, на стыке Верхней и Нижней Мёзии, рубежи империи защищены надёжно. Здешний правый берег Истра густо усеян крепостями-кастеллами, так что казалось – находясь на башне одной, непременно добросишь копье до башни другой. И в каждой кастелле (в каждой, без исключения) находились усиленные гарнизоны.

Граница с даками уже который год считалась беспокойной, и потому охранялась как никакая другая. Даже на Парфянской сейчас находилось меньше легионов, конных вексий и номерных когорт.

– А ты слышал, Лузий?

– Ну, что? Что ещё?!

– Говорят, даки напали, используя один из варварских подлых приёмов...

– Это какой же?

– Они напали под покровом ночи. Не-ет, скорее и не ночью, а под самое утро. И прямо на Мост, – вновь попытался разговорить префекта старший декурион.

– А хотя бы и днём это бы случилось, – наконец-то, отреагировал на реплику назойливого гетула Квиет. – Какая нам разница? Война есть война! А на войне любые приёмы дозволены...

– Ну-у, да... но... но их ведь больше!

– Бо-ольше?

– В десять раз!

– Да хоть в сто!

– А ещё... а ещё ими сожжены три крепости, защищавшие Мост. Камня на камне от этих кастелл уже не осталось. А четвёртая – еле держится. А также взяты ими и Дробеты...

– Дробеты они тоже сожгли?!

– Ну, да.

– Это точно?!

- По-о-очти уже...
- Ну, ну...
- Головёшки одни остались...
- Ну, надо же!.. Слушай, а новости эти сорока на хвосте тебе принесла?
- Гонец проговорился.
- Гонец?
- Да.
- А ещё что он тебе сообщил, а? У страха глаза же велики.

Гетул, не распознав иронии в словах, или же сделав только вид, что ничего не понял, всё ещё не желал униматься. За этим разговором он надеялся хотя бы отчасти подавить охватившее его беспокойство:

– Лузий, а ты слышал? – продолжил гетул. – Божественный со свитой уже в Салоне. Прибыло множество кораблей. Больше трёхсот. И войска! Четыре... Не-е-ет, пя... Да, пять... Нет, семь легионов. Точно, их семь! Они уже разгружаются в портах Салоны и Пулы и направляются в сторону Дакийской границы. О-ох, чувствую я, что, наверное, будет что-то нехорошее...

- Война?
- Ну, разумеется... Всё на это указывает.
- Что-то много ты слушаешь всех.
- Что-о... А что, по твоему я не прав?

Квиет не ответил. Складка проступила у него меж бровей. Откровенно говоря, Цельзий ему уже так надоел, что казался сейчас хуже горькой редьки. «Вот же пристал!..» – зло подумал префект.

– Лу-у-узий, а...а-а...

– Ну-у, что? Что тебе ещё?! – Квиет всё больше раздражался. Цельзий сейчас, из-за своей нервозности, был совсем невыносим.

Увидев выражение на лице Квиета, декурион-гетул напрягся. Он знал, что это означало. Лузия лучше было не доводить до такого раздражённого состояния. Префект мог и не сдержаться, и взорваться. И тогда бы Цельзию мало бы не показалось.

Но вот через некоторое время складка на лбу у Лузия разгладилась, и он уже в более спокойном тоне гетулу «Деду» всё-таки ответил:

– Всем понятно, что будет скоро... Принцепс настроен по серьёзному. Я тоже думаю, что будет большая и затяжная война. Но давай, Цельзий, не будем это сейчас с тобой обсуждать. Ну, сам же понимаешь, не нашего это ума дело.

– Да, да, я всё понял, – мотнул головой старший декурион-гетул и надолго притих.

* * *

Двадцать восемь лет назад Лузий Квиет имел другое имя. Настоящее имя у него было Мабуале.

Высокий, отменно сложенный, с очень развитой мускулатурой натренированного атлета, стяжателя олимпийских венков и наград, ещё не в годах (точно возраст свой он не знал), с блестящей и очень тёмной кожей и пышной копной курчавых волос, префект Лузий Квиет когда-то жил в племени, обитавшем далеко к югу от Великой Ливийской пустыни (которую местные племена называли Сахарой), у величаво нёсшей мутные, жёлтые воды Ленивой реки (эту реку сейчас называют Нигер).

Отец Лузия-Мабуале был вождём. У него от младшей, четвёртой жены и родился Лузий.

«Как же называлось их племя?... Чиари? А-а-ачи... Ачиари? Чинг... Чингирари?»

Лузий так и не мог вспомнить.

Он тогда был слишком мал.

* * *

Соплеменники Лузия ловили рыбу в реке. На лодках и у берега. А ещё собирали различные плоды с деревьев. Понемногу возделывали землю. И охотились. Чаще на антилоп, коз, жирафов и мелких птиц. Ставили на зверей и птиц сети и ловушки.

Их племя постоянно окружали опасности. Оно враждовало со многими соседями. Особенно с теми, которым принадлежали густые чащи на противоположном берегу Ленивой реки.

Однажды эти воинственные, зло настроенные соседи, и выкрали Лузия-Мабуале. Ему тогда не исполнилось ещё и шести лет. Ему очень повезло! Почему? Да потому, что его не убили ради ритуальной жертвы и не съели, как делали это с некоторыми захваченными детьми, а продали светлолицым купцам, привёзшим откуда-то с севера соль.

Купцам Лузий понравился, и они прихватили его с собой.

Три месяца находились они в пути. Вначале на лодках они поднялись по Ленивой реке до тех мест, где заканчивались леса. Лузий впервые увидел саванну – бескрайнюю степь, изредка оживлявшуюся рощицами пальм и полнившуюся стадами слонов и антилоп, и стаями птиц. За саванной начинались бескрайние пески Великой пустыни. Люди, обитавшие в ней, называли её Сахарой.

По истечении третьего месяца караван подошёл к большому городу. Город этот был Ламбесом. Населяли его в основном светлокожие. Там, на невольничьем рынке, и продали чёрного мальчугана, сына вождя.

* * *

Будто испугавшись чего-то, дорога метнулась в сторону от реки. Резкий поворот (удивительный для славящихся безупречной прямоотой римских дорог) и неожиданно взору почти двух сотен всадников предстала Бонония...

Всадники ещё обогнули вершину, сглаженную как стол, выделявшуюся на фоне соседних лесистых сплошной скалистой проплешиной, и достигли мильного столба. От этого столба дорога разветвлялась. Одна ветвь, пересекая речушку Тимак, устремлялась к Ад Аквасам и дальше – к Железным воротам (зажатоу Дакийскими горами и Гемом узкому ущелью, через которое прорывался в привольно равнинную Мёзию Истр), а другая, короткая, совсем коротенькая, спешила к Бононии.

Полторы-две тысячи вышедших в отставку легионеров, с семьями и рабами, образовали вначале поселение-канабу при крепости, выбранной для пребывания командующего легиона II Скифского. Вскоре легион перевели в Дуростор, а поселение-канабу преобразовали. Она приобрела муниципальные права.

На десять-пятнадцать миль к югу и северу от Бононии земли очистили от леса, и теперь этот небольшой городок окружали сады, поля, засеянные злаками, в основном пшеницей, встречались и виноградники. Бононийцы из винограда давили вино, и как кельты и германцы из ячменя варили варварский хмельной напиток пиво. Их глиняные кувшины, большие амфоры для зерна и кубки использовали в хозяйстве не только жители долины Тимака, но широко расходились они и по всей остальной провинции, и даже встречались далеко к югу – в Македонии и Иллирии.

За стенами, выложенными из аккуратных плит песчаника, виднелись черепичные красные крыши домов, купола нескольких храмов, купол общественной бани-термы и небольшая (примерно на тысячу зрителей) цирковая арена.

– Может свернём туда? – спросил вновь подъехавший к префекту старший декурион Дед, то есть гетул Цельзий.

– Не будем сворачивать! – бросил в ответ Деду Лузий

– Ну, там же можно хорошо подкрепиться. Да и вино в Бононии неплохое. Я знаю там одну таверну, которая называется «У Лупианы Фенистиллы». Я их вино уже не раз испробовал, – заметил гетул, и при этих словах он закатил глаза и мечтательно причмокнул. – Особенно оно хорошо, если не разбавлять его водой!

– Я же сказал, что не будем! Остановимся теперь только в Ад Аквасах! И об этом сообщи остальным, – ответил гетулу Лузий.

Квиет всем своим видом дал понять, что обсуждать это решение не намерен. Сегодня гетул-декурион ему показался особенно назойливым. Что касается службы, претензий к нему в общем то в последнее время не имелось. Он и усерден, и исполнительен, и дисциплину почти не нарушал. В этом он уступал только Кварту и Шадару. Тоже неграм, служившим декурионами в их але, и которые были давними друзьями и соратниками Лузия. Но вот язык у этого гетула был как у торговки с рынка. Не мог он долго держать его за зубами. И это был его главный недостаток.

Не успел Лузий в сердцах строго отчитать надоедливого старшего декуриона, как послышался вновь возглас. Уже откуда-то с боку, с обочины дороги:

– Приветствую тебя префект!

Квиет осадил коня, и оглянулся. У него невольно поднялась бровь. К мильному столбу подошёл седовласый морщинистый старик с изуродованным несколькими шрамами лицом. Одного глаза у старика вообще не было, и прикрывала отсутствующий его глаз широкая чёрная повязка. На ногах у незнакомца были легионерские калиги. Старик опирался на посох. За спиной у подошедшего был холщовый мешок. Видно старик направлялся из близлежащего поместья в город.

Квиет несколько сурово обратился к одноглазому:

– Приветствую!

– Юпитер Вседержатель и Громовержец вам в помощь! – откликнулся незнакомец.

– И тебе того же! Кто ты будешь?

– Я Авлет Орозий.

– Это ничего мне не говорит, – ответил Лузий.

Тогда старик расправил плечи, вытянулся как легионер и отчеканил:

– Я бывший центурион V легиона Жаворонки.

– А-а! Знаю-знаю. Того самого легиона, который полностью пал с Фуском, – Квиет достаточно скептически усмехнулся. – Выходит не весь V Жаворонки пал?! Кое кто из него и остался в живых...

– Было дело, префект, – не смутившись, ответил одноглазый. – Но меня за это не стоит укорять!

– Почему?

– Ну потому, что мы тогда не спасовали, – пояснил бывший центурион.

– Ты так считаешь, Авлет?.. Хм-м... – и Лузий при этих словах ещё более откровенно усмехнулся.

– Да!

– Да?!

– Мы бились до последнего! – возразил старик. – Никто из наших не дрогнул и не проявил малодушие! Мы бились отчаянно! Все! И не уронили честь V Жаворонки. А ведь наш легион знаменит! Он был сформирован ещё полтора века назад, и сформировал его не кто-нибудь, а сам Цезарь, который первое время содержал его на свои средства. У нашего легиона было славное прошлое. Он участвовал в завоевании Галлии, сражался в Африке и Германии, подавлял возмущение батавов в низовьях Рейна, и только в Дакийскую кампанию ему очень не повезло. Потому что он попал в устроенную даками засаду.

- Что, получается бились до последнего и никто из вашего легиона не сдался?
- Ни один из наших добровольно не сдался.
- И ты в этом клянёшься?
- Клянусь! Причём всеми богами!
- Ну а ты сам-то почему тогда выжил, центурион? Можешь мне это объяснить? Почему ты жив-здоров и сейчас стоишь передо мной?
- Могу.
- Ну-у-у...
- Меня ранили. Я потерял сознание. Даки подобрали меня и не стали добивать, а решили сделать своим рабом. А вот уже после их поражения они вынуждены были меня освободить, и теперь я живу здесь, у самой границы с Дакией.
- И как тебе было у даков в плену? – уже одноглазого старика спросил старший декурион-гетул.
- Жилось не сладко.
- А поподробнее можешь рассказать? – поинтересовался встрявший в разговор Дед.
- Мёдом, конечно же, меня даки не потчевали, к своему столу не приглашали, – ответил одноглазый. – Но они хотя и суровы, однако же справедливы. Без причины никто из даков меня не обижал, это всё-таки мне следует признать.
- И сколько ты пробыл в Дакии? – спросил Авлета Орозия Квиет.
- Почти семь лет.
- Не ма-ало... А ты видел Децебала?
- Видел. Как тебя сейчас! – ответил префекту одноглазый старик.
- Ну и какой он, центурион? – переспросил Квиет. – О нём много говорят. И не знаешь, где правда, а где ложь.
- Бывший центурион задумался и через какое-то время переспросил:
- А что, ты хочешь услышать моё мнение о дакийском царе, префект?
- Конечно хочу.
- Хорошо. Слушай! Децебал – великий воин! Он хотя и враг, но это следует признать! Одно время я у него был в услужении. Я четыре раза пытался бежать из плена, но всякий раз меня ловили. И после четвёртой попытки мне подрезали сухожилия. И теперь я еле хожу. Однако после последней победы нынешнего принцепса, мне даки были вынуждены вернуть свободу.
- А расскажи ещё о Децебале? – не смог скрыть своего любопытства Квиет.
- Ну, что ж, могу и ещё кое-что о нём рассказать... Если у тебя есть время и ты не спешишь...
- Я вообще то спешу, но тебя всё-таки послушаю, Орозий, – ответил Квиет. – Ну, не тни только, давай, рассказывай. Что ты о нём ещё знаешь?
- Хорошо, слушай, – и одноглазый старик, бывший центурион V легиона Жаворонки, усмехнулся, и от этой усмешки его изуродованное лицо вдруг окончательно перекосило и оно стало ещё более неприятным и даже не живым, а уже походило на маску. – Вот скажи, префект, почему у даков на всех их знамёнах раньше в основном изображались драконы, а сейчас всё чаще изображаются волчьи головы? Ты знаешь, почему?
- Квиет пожал плечами.
- Орозий продолжил:
- А у меня есть на это ответ. У даков имеются родовые знаки. Как у многих варваров. Такие, как у тех же пиктов в Британии или кантабров в Иберии, и-или...
- Да, знаю... Говори по сути!
- У Децебала родовой знак- это волк. Он достался ему от его предков- вождей из сарматского племени дахов, которые пришли в землю фракийцев примерно семь поколений назад.

Теперь у даков везде изображён этот хищник. Именно дахи сумели объединить все северофракийские племена и те переняли своё название у пришельцев, немного его переименовав на свой лад. Децебал роста среднего, коренаст, но сила у него невероятная. И лучше него никто из даков не владеет оружием. Тем же мечом. Да и среди римлян, я так думаю, мало найдётся ему достойных соперников в спаринге. А ещё он отменный охотник и стрелок. Я тому свидетель. Стреляет он не хуже скифов. Ну а про дерзость и отвагу его вообще ходят легенды. Однажды он в одиночку отбил и обратил в бегство целый отряд сарматов в тридцать всадников. Ну а сарматы- славные воины! Он, кажется, ничего в этом мире не боится. Да что в этом мире?! Он не боится даже своего всемогущего бога, которого даки называют Замолксисом! Так что даки своим царём восхищаются. И все они, ну во всяком случае простые даки, его поддерживают. Поддерживают единодушно. А ещё и боготворят. Так что Децебал- очень серьёзный противник! Его недооценивать нельзя. Он себя ещё покажет!

– Удачи, старик! – в ответ произнёс Квиет, и больше ничего не добавив, он тронул коня.

Квиет и без этого одноглазого бывшего центуриона уже много чего слышал о Децебале.

«Да-а, это действительно был очень серьёзный противник! И получается, он вновь бросал вызов Риму! Бросал его уже в третий раз.»

Квиет вновь направился в голову колонны.

За префектом двинулась и вся остальная ала peregrinorum легиона XIII Сдвоенного.

– Надеюсь в этот раз Децебала вы окончательно одолеете... И свернёте ему шею. В помощь вам... да помогут Юпитер Великодушный, Марс и Фортуна Всеблагая... – прошептал одноглазый старик, бывший центурион полностью уничтоженного даками V легиона Жаворонки, а теперь отставник и гражданин приграничной Бононии.

Глава пятая

Ламбес поразил Лузия-Мабуале. Именно в Ламбесе он впервые увидел настоящие дома. И, в том числе, многоэтажные. В два-три, и даже в четыре этажа. Поразили его и скульптуры, особенно их было много на главной городской улице, и все они были раскрашены и издали казались как живые. Поразили также и похожие на стволы пальм многочисленные колонны, и двигавшиеся по улицам повозки. Но ещё более его поразил город Цирта.

Этот город уже являлся столицей провинции Нумидия.

* * *

В Цирте жил хозяин чёрного мальчугана, а вернее- хозяйка, которую звали Юлией Тавирикой. В целом она была безобидной и неуклюжей, и почти всегда спокойной. Юлия Тавирика являлась вдовой легата римской армии, и загорались её глаза лишь только тогда, когда она начинала вспоминать о своих предках. Её древний род восходил к пунийцам, переселенцам из Финикии, осевшим когда-то в Северной Африке и основавшим Карфаген. И в её роду попадались суфеты Карфагена (это были высшие должностные лица в Карфагенской республике), а один из предков был даже родственником Ганибала. Того самого! Едва не погубившего Рим. Этот предок являлся мужем младшей дочери брата Ганибала, и звали его Гамелькартом.

Лузию жилось у госпожи Тавирики очень даже неплохо. Жаловаться ему было не на что! Его одевали в чистые одежды, приучили к новому имени- Лузий. Он быстро выучил разговорную латынь и перенял многие римские обычаи. Основной его обязанностью стало повсюду сопровождать хозяйку и обмахивать её опахалом, ну и иногда он прислуживал ей за столом, подносил фрукты, соки и вина. Постепенно он стал для хозяйки незаменимым помощником, утомляли его только её бесконечные рассказы о уже почившем муже, и о предках, прославивших её род. И с каждым днём эти рассказы становились всё подробнее, и всё больше они навевали на него зевоту и тоску. Ну послушай-ка одно и тоже каждый день, да ещё по несколько раз! Хотя в целом ему в её доме нравилось.

Однако к несчастью для Лузия-Мабуале его госпожа через несколько лет умерла от водянки и так как она оказалась бездетной, то всем её состоянием завладел брат умершей, Гай Тавирик. Ну а тот уже вскоре продал Лузия новому хозяину – купцу, которого звали Теренцием Квиетом.

* * *

Ала перешла через каменный мост речушку Тимак, которая обычно была тихой и спокойной, но весной, когда в горах начинал таять снег, кратковременно проявлявшей норы. Позади осталось ответвление дороги, убегавшей к одноимённому городку, и дальше – к Наису, столице провинции Нижняя Мёзия.

После полудня ала вспомогательной лёгкой конницы легиона XIII Сдвоенного, утомлённая безостановочным многочасовым переходом, подошла к Ад Аквасам. Дорога оборвалась у глубокого, заполненного водой рва.

Ад Аквасы являлись не просто важной, а чрезвычайно укреплённой и наиболее сильной крепостью на всём среднем Истре. Двойные стены мощной каменной кладки (камень был разный, так как в округе его вдоволь), с узкими щелями-бойницами стены, высотой примерно в сорок локтей, всё это не могло не внушать трепет. А ещё был земляной вал и ров, всегда заполнявшийся водой.

Выше стен вздымались двенадцать башен-монстров, добавлявших к высоте стен ещё не меньше семи локтей. Внутри крепости находились различные пристройки, склады, казармы и конюшни. В Ад Аквасах находился и внушительный арсенал, а ещё здесь размещалась отдельная номерная когорта и три центурии из легиона II Скифского.

Квиета принял дукс-комендант, одновременно являвшийся начальником приграничного округа, охватывавшего правый берег Истра от Альм и до Дробет, в звании командира когорты.

Дукс был средних лет, невысокий, смуглый римлянин. Подражая старинной моде (а сейчас так ходили лишь только варвары), он был бородат. Всю левую половину его лица обезобразивал шрам, на который было страшно смотреть. Он начинался от самой мочки уха и доходил до нижней губы. Это была «печать», поставленная когда-то мечом сарматского катафрактария (тяжёловооружённого всадника). Дуксу пришлось повоевать с сарматами в одну из прошлых кампаний на среднем Истре. Знамение той беспокойной поры – поверх туники у дукса была надета лорика хамата (эта была разновидность кольчуги).

– Долго будете у нас находиться? – спросил дукс и едва заметным движением бровей повелел подбежавшему рабу из obsługi помочь префекту. Но Квиет, не дожидаясь помощи, ловко спрыгнул на землю сам и, стряхнув со своей туники пыль, ответил:

– Дадим отдых и покормим коней, поедем сами... И выступим после этого.

– Что, сразу?! – удивился дукс.

– Да. На всё про всё – потратим часа два. Задерживаться нам не с руки. У меня приказ, прибыть в Дробеты-Трансмариску уже сегодня к вечеру.

– Понятно, – кивнул головой дукс.

– Что слышно о Мосте? – спросил уже Квиет.

Дукс развёл руками:

– Юпитер Доброжелатель! А что тут скажешь?

– Горячо там?

– И не говори. О-оч-чень!

– Что-то всё же проясняется?

– Хочешь подробности, префект?

– Ну, да. Связь какая-та есть?

– Имеется. К нам прибыли несколько семей. Это беженцы. С их слов Мост даками, по всей видимости, ещё не захвачен. Наши на нём бьются. Но даки сильно наседают. Кажется, они обезумели. Лезут, ну, примерно... А-а-а, что об этом говорить? Они делают попытку за попыткой его взять. Мне пришлось отправить из крепости большую часть своих воинов. В Аквасах лишь полуцентурия осталась. Шестьдесят воинов. При желании кое-что можно и отсюда нам увидеть...

Лузий согласился.

– Пошли.

Лузий и дукс проследовали к массивной надвратной башне. Скрипнула дверь. Внутри башни было сыро и прохладно. Смоляные факелы, закреплённые вдоль стены, тускло освещали крутые ступени тунеля-колодца.

Квиет и дукс поднялись на самый верх, на высоту почти шестидесяти пяти локтей. Лицо Лузия обдуло свежим ветром. Отворачиваясь от порывов вдруг усилившегося ветра, дукс подвёл Лузия к одной из бойниц:

– Во-о-он, префект, в той стороне... Видишь? В милях пятнадцати отсюда... Там и находится наш Мост.

Квиет пригляделся. Едва угадываясь в тумане, что постоянно обволакивал узкую горловину Железные ворота, через которую с грохотом, разбрасывая мириады брызг, стремительно прорывался могучий Истр, и виднелся на огромных быках-опорах знаменитый мост

Аполлодора Дамаскина. Восьмое чудо света. С обеих берегов Мост защищали четыре крепости-кастеллы. С левобережья поднимался столб дыма. Дым поднимался уже и с правого берега.

Здесь мне кажется пора сделать отступление и немного поподробнее рассказать об этом самом Мосте. Его построил Аполлодор, грек, родившийся в Дамаске и являвшийся инженером и главным архитектором Древнего Рима. А ещё этот Аполлодор был другом Траяна и часто сопровождал его в походах. Так вот, спроектированный и сооружённый им по приказу Траяна мост через Истр являлся поистине грандиозным сооружением и по праву считался самым большим мостом в то время. Это было действительно чудо. Настоящее чудо тогдашней инженерной мысли. И он вызывал восхищение у всех. А варвары так вообще считали, что его могли создать только боги!

– Оказывается... они уже и... и здесь, на нашем берегу! Сорока Цельзия не обманула... – забывшись, и уже размышляя вслух, произнёс Лузий, и услышав его реплику, дукс ничего не понял и переспросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.